

ниева монастыря (1125 г.), до сих пор недостаточно изучена историками искусства, а расчистку ее вряд ли можно считать завершенной²⁷.

Аналогичная картина наблюдается и в изучении живописи других русских областей. Например, не расчищены и не исследованы фрески Кирилловской церкви в Киеве и Спасо-Мирожского монастыря в Пскове; ожидают своего исследования многие фресковые фрагменты, открытые археологами во время раскопок храмов.

Публикация этих памятников остро необходима для решения важнейших вопросов истории древнерусской культуры. Книга В. Н. Лазарева о старорладожских резках представляет важный шаг в этом направлении. Являясь образцовым монографическим исследованием, эта книга заставляет по-новому взглянуть и на многие более широкие художественные проблемы. Вот почему она уже успела занять видное место в советской научной литературе по истории древнерусского искусства.

Э. С. Смирнова

О НЕКОТОРЫХ СПОРНЫХ ВОПРОСАХ ИСТОРИИ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОГО ХЕРСОНЕСА

(По поводу статьи Д. Л. Талиса „Вопросы периодизации истории Херсона в эпоху раннего средневековья“. ВВ, XVIII, 1961)

Статья Д. Л. Талиса посвящена вопросам периодизации истории раннесредневекового Херсона. Тема этой статьи имеет, несомненно, не только узкокрымский, но и более общий интерес, так как раннесредневековый Херсон был теснейшим образом связан не только с Таврикой, но и с окружающими странами, и прежде всего с Византией. Но в силу одного этого трудно представить себе, что Херсон имел особую периодизацию своей истории, как это можно думать из заглавия статьи. Во всяком случае автор нигде не оговаривает, что периодизация истории Херсона отражает периодизацию истории Византии или одной лишь Таврики (впрочем, последнее также маловероятно).

В истории раннесредневекового Херсона Д. Л. Талис устанавливает следующие периоды.

1. Первый период охватывает V и первую половину VI в. и «является неотъемлемой частью предшествующего этапа развития» (стр. 61), т. е. античного.

2. Второй период начинается в середине VI в. и «охватывает примерно промежуток времени между серединой VI и серединой IX в.» (стр. 61). Этот этап, собственно, и является первым периодом средневековой истории Херсона (стр. 64).

3. Третий период, или, по Д. Л. Талису, второй основной средневековый период, обнимает, как это общепринято, время со второй половины IX по конец X в. (стр. 67 и сл.).

Предлагаемое разграничение, притом резкое, собственно раннесредневекового периода серединой VI в., насколько знаю, не встречается в историографии Таврики. Тем важнее обоснование такого хронологического членения, хотя и оно будет иметь очень ограниченное значение, так как относится к истории лишь одного города. Автор приводит следующие аргументы.

1) Уровень ремесленного производства Херсона в V и первой половине VI в. отнюдь не снизился, на что указывает продукция гончарного ремесла и особенно амфоры, сохранившие высокое качество и позднеантичные формы (стр. 55—57). Однако такой вывод нельзя признать доказательным хотя бы потому, что в количественном отношении этот материал ничтожен. Автор напрасно говорит о массовом изготовлении в раннесредневековом Херсоне амфор (стр. 57), так как именно массового характера эти находки лишены. Буквально несколько амфор V—VI вв., которые найдены в Херсоне за несколько десятков лет раскопок и которые удалось склеить, не могут, конечно, обосновать широкие выводы автора; тем более нет оснований датировать их в Херсоне специально первой половиной VI в. Характерно, что мы до сих пор не имеем в Херсоне ни одного более или менее целого образца самого распространенного в Северном и Западном Причерноморье типа амфор V—VI вв. — с глубоким и густым рифлением, хотя мелкие их обломки и часто встречаются. О форме этих амфор приходится судить по материалу из Болгарии и Румынии¹. Сказанное только что о кера-

²⁷ Покойный Ю. Н. Дмитриев высказывал убеждение, что в Богородице-Рождественском соборе Антониева монастыря во многих местах под поздней записью еще скрыты участки древней живописи.

¹ В Болгарии такие амфоры хранятся в музеях Варны, Бургаса, Несебра (неизданы); в Румынии они известны из раскопок Истрии (Histria. Monografia arheologica, vol. I. București, 1954, рис. 382—385). Античные прототипы III и IV вв. см. Н. С. R o-

мике вызывает сомнение в том, вообще производились ли в Херсоне амфоры и в V и VI вв. — как в первой, так и во второй его половине. Мы, признаться, склоняемся к отрицательному ответу. В противном случае картина была бы совсем иная. Что это так, показывает материал из словес X в., давших действительно множество амфор: только массовостью находок можно обосновать заключение о их производстве на месте.

Автор ссылается даже на пифосы (стр. 56), но это недоразумение: ни одного раннесредневекового (т. е. V—VI вв.) пифоса в Херсоне не сохранилось и о форме их мы пока судить не можем, хотя и очень вероятно, что они удерживали формы позднеантичных пифосов. Ничего не говорит об уровне гончарного производства раннесредневекового Херсона и краснолаковая посуда (стр. 56—57, прим. 10); ее, правда, нередко находят в Херсоне, но она, несомненно, целиком привозная (этим то и объясняется ее абсолютное тождество с восточногреческой, что отмечает автор). Нет никаких оснований говорить и о массовом вывозе херсонских амфор на внешний рынок, ибо вне Херсона, в Юго-Западном Крыму, такого рода находки, и то в виде обломков, очень немногочисленны. Могут утверждать это на основании своих шестилетних раскопок раннесредневековых сельских поселений в этом районе Крыма.

2) Д. Л. Талис считает, что и продукция раннесредневекового металлообрабатывающего ремесла Херсона также носила массовый характер и имела широкое распространение (стр. 57). Автор имеет в виду литейные формы для отливки крестов, украшений и иконок, фибулы и пряжки, притом «весьма многочисленные». Но и этот тезис нельзя принять, так как погребальный инвентарь раннего средневековья в Херсоне, вопреки автору, сравнительно малочисленный, фибулы же вообще редки, а фибул, характерных для VI в., почти нет, что уже приходилось констатировать². Что же касается упоминаемых автором литейных форм (стр. 57, прим. 14), то к раннему средневековью может быть отнесен лишь один предмет — глиняная форма с изображением двух святых из раскопок 1898 г.³ Датировка V и VI вв. остальных форм — плод недоразумения; в частности, оба креста и форма для отливки креста из раскопок 1903 г.⁴ относятся ко времени не ранее IX в. Таким же недоразумением является и ссылка на бронзовые кадила из Херсонеса, изданные Н. П. Кондаковым⁵: во-первых, они найдены, может быть, вовсе не в Херсонесе (их место находки неопределенное), во-вторых, они не V—VI вв., а значительно более поздние (Н. П. Кондаков датирует их XI в.). Таким образом, Д. Л. Талис может оперировать лишь одной раннесредневековой матрицей, а этого, конечно, недостаточно для каких-либо обобщений.

Столь же бездоказательны и данные об импорте и экспорте Херсона в V—VI вв. (стр. 63, прим. 35). Можно подумать, что все перечисленное автором основано на фактах, но на самом деле — это почти сплошные догадки, более или менее вероятные. Например, на чем построено утверждение, что в V—VI вв. из Малой Азии «в Херсон поступали ремесленные изделия из стекла и металла, металлы в сыром виде, строительные материалы (какие? — А. Я.), архитектурные детали...»? Ведь никаких определенных данных для такого утверждения у автора нет. Следовало бы подчеркнуть предположительность этого перечня предметов ввоза.

Но если другая группа материала, привлеченного Д. Л. Талисом, — керамика, действительно может быть датирована ранним средневековьем (V—VI вв.), то членение ее на группы до середины VI в. и второй половины VI в. пока не может быть установлено.

3) Д. Л. Талис указывает на большое значение в раннесредневековом Херсоне промыслового рыболовства, о чем свидетельствует множество рыбозасолочных цистерн, использовавшихся в городе до середины VI в. (стр. 58—59). Но и эта датировка предвзята: массовая ликвидация (засыпка) этих цистерн в большинстве случаев относится ко времени до VI в., на что уже указывал Г. Д. Белов на основании своих многолетних наблюдений во время раскопок⁶; признаться, возражения Д. Л. Талиса (стр. 59, прим. 21) просто непонятны. Могут добавить, что огромная цистерна, расположенная рядом с Уваровской базиликой, была также ликвидирована еще до VI в., что доказывается постройкой храма, бесспорно V в., триконхиальная апсидальная часть которого основана на субструкции, сооруженной внутри цистерны. Таким образом, существенные изменения в экономике Херсона, на которые указывает массовая ликвидация товарного производства соленой рыбы, относятся ко времени до VI в., а отнюдь не к середине этого столетия, как утверждает Д. Л. Талис.

b i n s o n . Pottery of the Roman Period. Chronology: The Athenian Agora, vol. V. Princeton—New Jersey, 1959, К. 108— стр. 68, табл. 15 и М. 272 — табл. 29.

² МИА, № 63, 1959, стр. 272.

³ ОАК за 1898 г., стр. 116.

⁴ ИАК, вып. 16, стр. 45.

⁵ И. И. Толстой и Н. П. Кондаков. Русские древности в памятниках искусства, т. IV. СПб., 1891, стр. 34—35.

⁶ МИА, № 34, 1953, стр. 32.

4) О «резком спаде» экономической жизни Херсона, будто бы происшедшем именно в середине VI в., говорит, по мнению Д. Л. Талиса, хронология монет из раскопок городища (см. табл. 2), среди которых большая часть относится к первой половине VI в. (включая, очевидно, монеты Юстиниана I—527—565 гг.) и значительно меньшая часть — ко второй половине VI в. Но это объясняется, конечно, не резким переломом в экономике города в середине столетия, а определенной активизацией жизни при Юстиниане I и начавшимся в конце VI в. упадком (в конце столетия, не позднее 602 г., выпуск монет в Херсоне вообще, как известно, прекратился). Таким образом, и монеты не содержат определенного указания на перелом в экономике Херсона именно в середине VI в.

Далее Д. Л. Талис подробно говорит об упадке города в VII, VIII и первой половине IX в. (стр. 62—63), на что уже не раз обращали внимание исследователи, и это не вызывает сомнений. Автор в этом отношении не прибавляет ничего нового, если не считать отнесение начала упадка к середине VI в., с чем, как сказано, нельзя согласиться.

Насколько искусственно разграничение двух этапов истории раннесредневекового Херсона серединой VI в., настолько натянуто и объяснение такого разграничения. Ибо ссылка на постепенную аграризацию Херсона (стр. 65—66) должна быть отнесена вообще к V—VI вв., но не специально к середине VI в. Кроме того, говоря (стр. 65) о переходе к экстенсивным формам земледелия и об опустошении сельскохозяйственной округи Херсона в V и VI вв. (хотя то и другое — только предположение, ничем пока не подтвержденное), автор, в сущности, противоречит сам себе, ибо на предыдущих страницах речь идет об определенном экономическом подъеме города, хотя и основанном на развитии транзитной торговли и ремесла.

Наконец, одну из причин упадка Херсона в середине VI в. автор справедливо видит в «резком ухудшении экономической конъюнктуры в бассейне Черного моря» (стр. 66—67). Но почему это ухудшение относится именно к середине VI в. — также остается непонятным.

Говоря далее о промежуточном периоде VIII в., автор указывает на приток в Херсон населения, о чем, по его мнению, свидетельствуют находки так называемой салтовской керамики — кухонных горшков со сплошным рифлением и гребенчатой волной и обломков серых больших сосудов, украшенных полосами лощения. Замечание это вызывает удивление, так как за все время раскопок Херсонесского городища найден всего один такой горшок⁷, два сосуда с расширенным низом, аналогичных саркельским⁸, и буквально несколько обломков парадных салтовских сосудов с лощением (обращает внимание отсутствие в статье Д. Л. Талиса каких-либо ссылок на этот материал). Заключение отсюда о притоке в Херсон нового населения — носителей салтовской культуры — было бы более чем рискованно. Неясно, какое указание на пришлое население в IX в. в Херсоне усматривает автор в письме Анастасия Библиотекаря (стр. 67). Крестовокупольный храм на херсонесском акрополе также вряд ли относится к VIII в., скорее к IX в.⁹

Далее автор переходит к периоду второй половины IX и X вв. — времени возрождения и относительного экономического процветания Херсона (стр. 67 и сл.), что уже давно является бесспорным. История этого периода освещена несравненно лучше, чем предшествующего времени, гораздо больше у нас и соответствующего археологического материала, к тому же более или менее надежно документированного. Однако и в рассмотрение этого периода автор вносит немало бездоказательного, а то и вовсе неверного.

Так, вызывает недоумение перечисление разнообразного кузнечно-слесарного (стр. 69, прим. 14), сельскохозяйственного инструментария (лемехи, мотыги, ножицы для стрижки овец и пр. — стр. 69), а также плотницкого, вообще строительного (шипы, топоры, зубатки, молотки и пр.) и костерезного (стр. 70, прим. 69). Автор не сопровождает это перечисление какими-либо ссылками на условия и место находок, стратиграфию их или на инвентарный номер и на публикацию вещей. Читателю и здесь приходится верить автору, что это действительно находки IX—X вв. Но это-то как раз и сомнительно.

Мне действительно известны такие предметы из херсонесского городища, но они почти исключительно происходят из верхнего слоя XII—XIII вв. или вообще являются беспаспортными.

Непонятно указание (стр. 70) на «развитое кораблестроение в Херсоне X в.», якобы засвидетельствованное Константином Багрянородным (*De adm. imp.*, сар. 53) и Повестью временных лет (изд. 1950 г., ч. 1, стр. 37). На самом деле в русско-византийском договоре 945 г., включенном в русскую летопись, только упоминаются греческие кубары; не находим мы таких указаний и у Константина Багрянородного. Не

⁷ МИА, № 63, 1959, стр. 312.

⁸ Там же, стр. 313.

⁹ Там же, стр. 217.

могут «развитое кораблестроение» подтвердить и находки больших якорей, опять-таки относящихся преимущественно к XII—XIII вв. (к сожалению, и здесь автор не дает ссылок на номера вещей или их публикацию). Д. Л. Талис правильно указывает на усилившиеся в IX—X вв. торговые сношения с Малой Азией, но и в этом отношении увлекается: вряд ли можно признать его утверждение, что среди ремесленных изделий, привозившихся оттуда в X в., главное место занимала поливная керамика (стр. 71). Основная масса такой керамики в Византии пока известна по раскопкам в Константинополе и Коринфе, а не в Малой Азии. Этим замечанием мы отнюдь не исключаем малоазийский привоз такой керамики, может быть даже доминировавший, но из наличного материал это пока усмотреть нельзя.

Рассматривая в целом статью Д. Л. Талиса, нельзя не отметить и ее положительные стороны: автор старается связать историю Херсона с историей Таврики, с одной стороны, и Византии — с другой; он не только констатирует основные явления в жизни города, но и ищет им объяснение; существенны его замечания о технике обработки металла (стр. 69) и о судьбах раннесредневековых монументальных зданий, которые восстанавливали в X в., чем и объясняются находки в этих зданиях вещей того времени (стр. 69, прим. 67).

Но мы возражаем против ничем не обоснованного разграничения истории города серединой VI в. и совершенно произвольных ссылок на материал, дата которого еще требует выяснения.

А. Л. Якобсон

РАННЕХРИСТИАНСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ В УЛЬТРАКАТОЛИЧЕСКОМ ОСВЕЩЕНИИ

P. Testini. Archeologia cristiana (Notizie generali dalle origini alla fine del sec. VI). Declée e C^o, editori pontifici. Roma—Parigi—Tournai—New York (1958—1959) (774 стр., 435 текстовых илл., 3 таблицы)

Книга о «христианской археологии» написана одним из составителей «Католической энциклопедии» Паскуале Тестини и выпущена международными «папскими издателями» Декле и C^o. Книга заслуживает пристального внимания. Значительный объем, большое число иллюстраций, множество ссылок придают ей вид солидного научного труда. Автор его претендует на объективность; поэтому советскому исследователю необходимо установить, является ли эта объективность действительной или мнимой.

Книга состоит из четырех частей: 1) Пропедевтика, 2) Топография кладбищ, 3) Эпиграфика, 4) Культовые здания. Живопись, скульптура, малые предметы рассматриваются от случая к случаю, преимущественно для датировки зданий и захоронений.

Первая часть должна дать общее представление о письменных источниках. Абзац, которым она начинается, может служить «ключом» ко всей работе. Канонические евангелия, деяния и послания апостольские толкуются автором внеисторически; они будто бы «содержат в зачатке христианское мышление, от которого произошла структура рождающейся церкви» (стр. 4). Сама последовательность, в которой перечисляются эти составные части, полностью соответствует их расположению в каноническом Новом Завете: в порядке, обратном времени их возникновения¹; но наиболее раннее — Откровение Иоанна — не упомянуто вовсе. Очень раннее Учение двенадцати апостолов («Дидахе»), несомненно возникшее ранее канонических евангелий², рассматривается после Нового Завета, как произведение более позднее (стр. 4—5). Поскольку Дидахе правильно датируется временем «ранее 150 г.», период создания всего Нового Завета тем самым отодвигается к I в. н. э.

К другим апокрифам Тестини обращается только после рассмотрения церковных авторов III—IV вв., уделяя им всего восемь с половиной строк (стр. 14—15); эти апокрифы автор считает подражанием каноническим книгам. Таким образом, он безоговорочно следует концепции церковников, полностью умалчивая о папирусах с весьма ранними вариантами евангелий и посланий³.

Тестини едва упоминает (стр. 6) о таких ценных документах, как «Constitutiones apostolorum», составленных в Сирии около 380 г.⁴, и «Testamentum domini», не ука-

¹ Я. А. Ленцман. Происхождение христианства. М., 1958, стр. 25—38.

² А. Б. Ранович. О раннем христианстве. М., 1959, стр. 466—467; Я. А. Ленцман. Указ. соч., стр. 43, 165—168.

³ Литературу см. в кн.: Я. А. Ленцман. Указ. соч., стр. 37; его же. Вводная статья в кн.: А. Б. Ранович. О раннем христианстве, стр. 30—31.

⁴ По Шнейдеру — во второй половине IV в. (A.-M. Schneider. Liturgie und Kirchenbau in Syrien. «Nachrichten der Akademie der Wissenschaften in Göttingen»,